

IV. Религіозно - воспитательная, просвѣтительная и миссіонерская работа Движенія, совершаемая имъ при участіи, по благословенію и подъ наблюденіемъ пастырей Церкви, не противорѣчитъ требованіямъ церковности.

V. Сохраняя добрыя, дружескія отношенія съ представителями инославныхъ исповѣданій и работая вмѣстѣ съ ними нашь дѣломъ взаимнаго ознакомленія и сближенія, Движеніе считаетъ необходимымъ заботливо оберегать чистоту православной мысли и христіанской жизни отъ какихъ бы то ни было человѣческихъ привнесеній или измѣненій.

VI. Такъ какъ Движеніе не ограничивается ни предѣлами епархій, ни границами мѣстныхъ православныхъ Церквей, то каноническое его положеніе въ Русской Церкви или въ Православной Церкви вообще можетъ быть опредѣлено только высшей властью — или Русской Церкви, или всей Православной Церкви.

Протоіерей Сергій Четвериковъ,
Духовный Руководитель Движенія.

Парижъ.
Май.

О характерѣ религіознаго познанія

Есть отличительныя особенности религіознаго познанія. Бога нельзя в н ѣ ш н е д о к а з а т ь, т. е. доказать такъ, какъ доказываютъ геометрическую проблему. Иначе, вѣдь, не было бы невѣрующихъ. Самый характеръ познанія другой. Знаніе геометрической проблемы ни къ чему мою волю, мою личность не обязываютъ. Познаніе Бога обязываетъ. Поэтому-то такъ часто оправдывается слово Спасителя, что «люди возлюбили тьму больше, чѣмъ свѣтъ». И гаснетъ тогда познаніе. Познаніе Истины, которая есть Богъ, радикально — оно требуетъ в с е г о ч е л о в ѣ к а. Весь челоѣкъ, всѣми силами своего существа долженъ вросать въ истину. Вросать, ибо познаніе динамично — оно должно охватывать челоѣка все больше и больше, сдѣлаться закваской, внутреннѣйшимъ центромъ его бытія, подчинить его себѣ, стать въ немъ началомъ новой жизни. «Если внѣшній нашъ челоѣкъ ветшаетъ, то внутренній со дня на день обновляется». «Сіе есть вѣчная жизнь, да знаютъ Тебя, Единого Истиннаго Бога, и его же послалъ еси

Исуса Христа».

Познаніе Бога о б я з ы в а е т ь. Поэтому оно можетъ быть неудобно. Кто не хочетъ дать волю свою Богу, тотъ заглушаетъ въ себѣ это познаніе, тотъ не способенъ принять его, тотъ исповѣдуетъ иногда Бога на словахъ и сознательно не хочетъ знать Его въ своей жизни. Поэтому — въ познаніи Бога заключается нѣкоторый волевой элементъ — подчиненія себя, отданія себя, служенія, реконструкции жизни, переменны *μεταβολα* «Покайтесь, ибо приблизилось Царствіе Божіе». Какъ свободная личность, принимаю я Бога, и только, какъ свободная личность, и могу я принять Бога. Но это трудно. Люди боятся этого, боятся отдать свою эгоцентрическую жизнь для высшей. Поэтому они затемняютъ это высшее, оно тускнѣетъ и блѣднѣетъ предъ ихъ умственнымъ взоромъ, заслоняется болѣе интересными, болѣе привлекательными картинками. Познаніе Бога обезпложивается и отмираетъ или тускнѣетъ, находится гдѣ-то на задворкахъ души, не ощущается въ жизни. Ибо познаніе Бога или а к т и в -

и о, или же оно болѣе или менѣе о т м и р а е т ѣ. Богъ тогда можетъ стать для нѣкоторыхъ людей даже отталкивающимъ призракомъ ,надоѣдливымъ, ибо Онъ все же продолжаетъ время отъ времени предноситься ихъ взору, нарушая ихъ самоублаженіе.

Итакъ, одно изъ отличительныхъ свойствъ познанія Бога есть п о в ы ш е н н а я а к т и в н о с т ь души, активность, охватывающая всего человѣка, направляющая и опредѣляющая его волю. Моя воля участвуетъ въ моемъ познаніи Бога. Чѣмъ больше я отдаю Ему свое «я», тѣмъ больше Онъ присутствуетъ во мнѣ: «Ему подобаешь расти, мнѣ — умяляться». «Имѣющій заповѣди Мои и хранящій ихъ, сей есть любяй меня... и онъ возлюбленъ будетъ Отцомъ Моимъ, и Я возлюблю его и явлюся ему Самъ». «Если кто любитъ Меня, то соблюдетъ слово Мое, и Отецъ Мой возлюбитъ его... и Мы придемъ къ нему и обитель у него сотворимъ» (Іоан. 14, 21-23). Есть ли эта большая активность преимущество религіознаго познанія передъ другими родами познанія или наоборотъ? Не дѣлаетъ ли она религіозное познаніе болѣе субъективнымъ? Вѣдь, признають, что $2 \times 2 = 4$ не зависитъ отъ моей воли и моей активности (т. е. въ очень незначительной степени оно зависитъ отъ моей активности при усвоеніи этого познанія, но потомъ моя активность прекращается). Не есть ли познаніе, не зависящее отъ моей воли, познаніе болѣе объективнаго характера, т. е. болѣе адекватное истинѣ, имѣющее дѣло съ болѣе истиннымъ объектомъ? Ибо какая же истинность въ познаніи, пріятіе или непріятіе котораго зависитъ отъ моей воли? Всѣ эти соображенія имѣли бы вѣсь, если бы они не упускали изъ виду одного. Отличительный характеръ религіознаго познанія заключается въ томъ, что активность въ немъ проявляется съ обѣихъ сторонъ: активность субъекта и объекта,

Б о г а. Богъ активенъ въ нашемъ познаніи Его. Это глубочайшее и самое основное, коренное и исключительное свойство истиннаго религіознаго познанія. А к т и в н о с т ь Б о г а. Богъ предваряетъ насъ: «Ты не искалъ бы Меня, если бы ты меня не нашель». «Се стою у дверей и стучу» (Апок. 3, 20). «Я открылся не вопрошавшимъ Меня» (Ис. 65, 1). «Въ томъ любовь, что не мы возлюбили Бога, но Онъ возлюбилъ насъ и послалъ Сына Своего во искупленіе грѣховъ нашихъ». Этимъ религіозное познаніе переносится въ иную, отличную отъ теоретическаго познанія, плоскость. Поэтому, критеріи теоретическаго познанія не могутъ быть адекватно примѣнены къ познанію религіозному. Религіозное познаніе есть в с т р ѣ ч а ж и з н е й, есть живая, творческая и живительная встрѣча двухъ личностей. Это есть прикосновеніе жизни къ жизни. Это есть воспріятіе одной жизни другой жизнью, — болѣею; воспріятіе одной жизнью, активной и жаждущей ,другой — удовлетворяющей и заполняющей, насыщающей и творящей жизнь. *Abissus abbisum invocat* (бездна призываетъ бездну). — «Я пришелъ, чтобы имѣли жизнь и имѣли въ избыткѣ». Религіозное познаніе есть прикосновеніе жизни, есть соприкосновеніе жизней. Оно отлично отъ теоретическаго познанія и выше, какъ полнота истины выше абстракціи. Не находится съ ней въ противорѣчій, но выше. Она требуетъ свободы отъ человѣка, и свободному человѣку въ такомъ общеніи открывается активная и нравственно-творческая свобода спускающаго, творящаго жизнь и милующаго Бога.

Подъ этимъ знакомъ активности Б о г а и активности ч е л о в ѣ к а протекаетъ религіозное познаніе. Но активность Бога выше.

Бога доказать нельзя, — не потому, чтобы характеръ религіознаго познанія

стоялъ теоретически ниже, былъ менѣе достовѣренъ, чѣмъ другіе виды познанія, менѣе цѣненъ познавательнo, менѣе объективенъ, но просто потому, что **Б о г ъ С а м ъ д о к а з ы в а е т ъ С е б я**. Религіозное познаніе есть само доказательство Божіе. И «свидѣтельство Божіе больше». Ибо въ немъ жизнь, вѣчная жизнь. Это есть свидѣтельство вѣчной жизни. «Богъ даровалъ намъ жизнь вѣчную въ Сынѣ Его... И мы видѣли и свидѣ-

тельствуемъ, что Отецъ послалъ Сына, Спасителя міру». «Сія есть вѣчная жизнь, да знаютъ Тебя, Единаго истиннаго Бога, и посланнаго Тобой Иисуса Христа».

Богъ не только объектъ нашего религіознаго познанія, но и субъектъ его. Мы познаемъ Бога черезъ Бога въ Его самооткровеніи. Поэтому рѣшающимъ моментомъ въ актѣ религіознаго познанія является откровеніе Божіе.

Николай Арсеньевъ.

О христіанскомъ гуманизмѣ

(Окончаніе).

Мы часто говоримъ, что для того, чтобы прекратились войны, революціи, трагическіе конфликты современности, необходимо прежде всего внутреннее, духовное возрожденіе человѣка.

Однако, если побѣдить антигуманистическое пониманіе Христіанства, столь характерное для современности, уврачуешь ли оно болѣзни міра? прекратитъ ли дальнейшее разложеніе христіанскаго общества?

Если антигуманистическое Христіанство сурово относится къ человѣку, то еще болѣе жестоко его отношеніе къ социальному міру. Война не отрицается. Отношеніе къ ней часто бываетъ положительнымъ, какъ къ школѣ аскетическихъ добродѣтелей, или какъ къ жестокому лекарству отъ пороковъ цивилизаціи. Человѣчество уже знало религіозныя войны, и на почвѣ антигуманистическаго Христіанства возможно возникновеніе ихъ вновь. Возможно и возрожденіе инквизиціи. Всѣ предпосылки для нея налицо. Раздраженіе на почвѣ религіозныхъ расхожденій возрастаетъ. Католичество никогда принципиально не отказывалось отъ инквизи-

ціи, оно приостановило ее, но весь аппаратъ ея въ полной сохранности и всегда готовъ начать дѣйствовать. Въ православіи аппарата инквизиціи еще нѣтъ, но духъ ея начинаетъ витать и здѣсь, а аппаратъ всегда можетъ быть созданъ. Антигуманистическое Христіанство силится увести изъ міра всю святость, предоставить міръ въ безраздѣльное обладаніе звѣря. Поляризація міра и есть идеаль этого новаго Христіанства, вдохновляющагося Апокалипсисомъ и Добротолубіемъ. Замѣчательно, что Церковь не включила Апокалипсиса въ число книгъ, предназначенныхъ для богослужебнаго употребленія, но вопреки мудрой осмотрительности Церкви, для антигуманистическаго Христіанства Апокалипсисъ, а не Евангеліе становится основной, опредѣляющей книгой. На Апокалипсисъ воспитывается и Апокалипсисомъ питается сознаніе безнадежности борьбы со зломъ въ мірѣ, и дѣлается соотвѣтствующій выводъ: задача христіанскаго спасенія — извлеченіе добра, концентрація его на одномъ полюсѣ съ обреченіемъ всего остального на гибель. Въ апокалиптическомъ